

DOI: 10.31857/S086919080025931-1

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

© 2023

О.С. ПУГАЧЕВА ^а

^а – Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;
Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-1031-9085; pugacheva@iccaras.ru

Резюме: Статья посвящена особенностям политики Республики Корея (РК) в отношении Центральной Азии (ЦА). Как правило, южнокорейские администрации рассматривали регион как часть более широкой региональной стратегии, будь то в привязке к Азии при Ли Мёнбаке или к России при Пак Кынхе и Мун Чжэине. Сложности с развитием российского направления Новой северной политики (НСП) Мун Чжэина, возникшие из-за санкционной политики коллективного Запада в отношении России, привели к тому, что страны ЦА были обозначены ключевыми партнерами РК в рамках НСП.

В условиях российско-западной конфронтации и традиционно напряжённых отношений консервативных южнокорейских администраций с КНДР актуальность евразийского вектора внешней политики для РК снизилась. Однако сворачивание континентальной риторики и смещение приоритетов южнокорейской дипломатии в Индо-Тихоокеанский регион не сильно отразится на практическом сотрудничестве РК со странами ЦА. РК заинтересована в доступе к природным ресурсам региона в целях обеспечения экономической безопасности. Кроме того, ЦА приобретает для РК дополнительное значение как способ сохранить российский рынок для южнокорейских компаний в условиях антироссийских экономических ограничений. Затягивание кризиса в российско-американских отношениях может привести к тому, что РК начнет выстраивать свой центральноазиатский курс в привязке к южноазиатскому направлению своей Индо-Тихоокеанской стратегии. РК будет стараться воздерживаться от присоединения к антикитайскому или антироссийскому курсу в ЦА. Однако раскол мира на две группы и растущая поляризация могут привести к тому, что Сеулу будет гораздо труднее балансировать и проводить независимую от США политику в ЦА.

Ключевые слова: Республика Корея, Центральная Азия, Евразия, Евразийская инициатива, Новая северная политика.

Для цитирования: Пугачева О. С. Эволюция и перспективы центральноазиатской политики Республики Корея. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 127–139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1

EVOLUTION AND PROSPECTS OF THE CENTRAL ASIAN POLICY
OF THE REPUBLIC OF KOREA

© 2023

Oksana S. PUGACHEVA ^a

^a – Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
MGIMO University, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0003-1031-9085; pugacheva@iccaras.ru

Abstract: *The article is devoted to the specifics of the Republic of Korea (ROK)'s policies towards Central Asia (CA). South Korean administrations viewed the region as part of a larger regional strategy, whether tied to Asia under Lee Myung-bak or Russia under Park Geun-ha and Moon Jae-in. Difficulties with the realization of the Russian vector of Moon Jae-in's New Northern Policy (NSP) caused the Central Asian countries to be designated as key partners of the ROK's NSP.*

Considering the Russian-Western confrontation and traditionally tense relations between the conservative South Korean administrations and the DPRK, the relevance of the Eurasian vector has decreased for the ROK. However, the curtailment of the continental rhetoric and the shift in the priorities of South Korean diplomacy to the Indo-Pacific region will not greatly affect practical cooperation between the ROK and the Central Asian countries. The prolonged crisis in Russian-American relations may urge the ROK to begin building its Central Asian course in connection to the South Asian direction of its Indo-Pacific strategy. The ROK will try to refrain from joining an anti-Chinese or anti-Russian course in CA. However, the split of the world into two groups and growing polarization may make it much more difficult for Seoul to balance and pursue a policy independent from the United States in Central Asia.

Keywords: The Republic of Korea, Central Asia, Eurasia, Eurasian Initiative, New Northern Policy.

For citation: Pugacheva O.S. Evolution and Prospects of the Central Asian Policy of the Republic of Korea. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 127–139. DOI: 10.31857/S086919080025931-1

В марте 2022 г. новым президентом РК был избран кандидат от консервативной партии Юн Сокёль. Новая администрация во главу своей внешней политики поставила укрепление военного союза с США, интенсифицировала связи с НАТО и его членами, а в декабре 2022 г. опубликовала собственную Индо-Тихоокеанскую стратегию (ИТС).

В условиях конфронтации России и коллективного Запада, усилившейся после начала Москвой специальной военной операции на Украине, растущей конкуренции Китая и США в Азии и изменения внешнеполитических приоритетов Сеула при президенте Юн Сокёле особый интерес вызывают перспективы политики Южной Кореи в Центральной Азии (ЦА), которая являлась одним из ключевых направлений Новой северной политики предыдущего президента РК Мун Чжэина. В данной статье рассматривается эволюция стратегий РК в отношении ЦА, а также оцениваются перспективы центральноазиатской политики РК с учётом геополитических и региональных факторов, а также переориентации внешней политики Сеула в Индо-Тихоокеанский регион.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РК В ОТНОШЕНИИ ЦА

Основу для развития связей Южной Кореи со странами ЦА заложила «северная политика» Ро Дэу (1988–1993), благодаря которой были установлены дипломатические отношения с коммунистическими странами, в частности с Китаем и СССР. В 1992 г. РК быстро установила дипотношения с новыми независимыми государствами, образовавшимися в ЦА после распада СССР в 1991 г. Южнокорейский бизнес в 1990-е гг. активно выходил на рынки Узбекистана и Казахстана, создавая экономическое присутствие РК в регионе [Dadabaev, 2019]. В частности, в 1993 г. южнокорейская корпорация Daewoo и узбекская государственная компания «Узавтосаноат» создали совместное предприятие «Уз-Дэу-авто» для сборочного производства легковых автомобилей, в 1996 г. автомобильный завод, проектная производственная мощность которого составляла 200 тысяч единиц в год, был открыт. Суммарный объём инвестиций южнокорейских компаний в экономику Узбекистана в 1996–1999 гг. превысил 1 млрд долл. [Чон, 2011, с. 10].

В начале 2000-х гг. активизация южнокорейской дипломатии на центральноазиатском направлении была обусловлена потребностью растущей южнокорейской экономики в дополнительных источниках энергоресурсов и соответственно интересом РК к минерально-сырьевому комплексу стран региона [Fumagalli, 2012]. Важным фактором для налаживания и укрепления сотрудничества РК со странами ЦА, в частности Узбекистаном и Казахстаном, являлась и остаётся корейская диаспора, глубоко интегрированная в общество центральноазиатских государств. В настоящее время в Узбекистане проживает порядка 180 000 человек этнических корейцев, в Казахстане – более 100 000 человек, в Кыргызстане – порядка 17 000 человек, в Туркменистане и Таджикистане – около 2 500 и 700 человек соответственно.

В 2004 г. президент РК Но Мухён посетил с государственным визитом Казахстан (первый визит президента РК в Казахстан), а в 2005 г. – Узбекистан. В 2007 г. была принята первая всеобъемлющая государственная стратегия входа РК в ЦА и был проведен первый Форум РК – Центральная Азия на уровне заместителей министров иностранных дел с участием представителей бизнеса и научных кругов.

Дальнейшее развитие отношений РК со странами ЦА произошло при Ли Мёнбаке (2008–2013). Администрация Ли Мёнбака намеревалась расширить дипломатические горизонты страны за пределы СВА, инициировав внешнеполитический курс «Глобальная Корея» (Global Korea). Политика Ли Мёнбака в отношении ЦА, с одной стороны, была частью общей стратегии по расширению партнёрских отношений в Азии и в мире с целью превращению РК в глобального политического и экономического игрока. Так, ЦА являлась одним из приоритетных направлений инициативы «Новой азиатской дипломатии», охватывавшей в том числе страны АСЕАН и Тихоокеанского региона.

С другой стороны, страны ЦА, обладавшие богатыми запасами энергоресурсов, стали объектом интенсивной «ресурсной дипломатии» Ли Мёнбака. РК стремилась диверсифицировать энергетические поставки и снизить зависимость от импорта энергоносителей с Ближнего Востока и Ирана посредством энергетического сотрудничества, в том числе совместной разработки природных ресурсов, с государствами ЦА [Расулов, 2017, с. 293]. Дополнительным стимулирующим фактором стало наращивание сотрудничества Китая со странами ЦА в энергетической сфере.

Ли Мёнбак ежегодно встречался с лидерами Узбекистана и Казахстана и несколько раз приезжал в эти страны – в рамках государственных визитов в 2009 г., в ходе турне по ЦА в 2011 г. и официального визита в Казахстан в 2012 г. Переговоры на высшем уровне,

как правило, сопровождалась договорённостями о крупномасштабных южнокорейских инвестициях.

В ходе визита Ли Мёнбака в Астану в 2009 г. Южная Корея и Казахстан договорились о реализации инвестиционных проектов стоимостью 5 млрд долл. в течение 3–5 лет. В их числе стратегические проекты, такие как совместное освоение нефтяного месторождения «Жамбыл» на севере Каспия и строительство электростанции в Балхаше. По итогам переговоров Ли Мёнбака и Н. Назарбаева в Астане в 2011 г. были подписаны соглашения на общую сумму порядка 8 млрд долл., включавшие строительство Балхашской ТЭС и второй фазы газохимического комплекса в Атырауской области по производству полиэтилена.

Важным направлением южнокорейско-узбекского сотрудничества стало превращение аэропорта города Навои в международный мультимодальный центр логистики при поддержке южнокорейского авиаперевозчика «Кореан Эйр», в управление которого в 2008 г. перешёл аэропорт, а также создание там свободной индустриально-экономической зоны. Благодаря южнокорейскому капиталу автомобилестроение стало профильной для Узбекистана отраслью. Примером взаимовыгодного и продуктивного сотрудничества может служить строительство Устьюртского газохимического комплекса на базе газового месторождения Сургиль, старт которому был дан в рамках визита Ли Мёнбака в Узбекистан в 2011 г., в мае 2016 г. Устьюртский ГХК был введён в эксплуатацию. Пакет контрактов на сумму более 5 млрд долл., из которых более 3 млрд долл. составляли прямые южнокорейские инвестиции, был подписан в ходе государственного визита И. Каримова в РК в 2012 г. [*Узбекистан и Южная Корея*, 2012].

Новую динамику в политической, деловой и культурной сферах получили отношения между РК и Туркменистаном. В январе 2008 г. в Туркменистане было открыто посольство Южной Кореи, в мае 2008 г. Ашхабад с первым официальным визитом посетил премьер-министр РК Хан Сынсү, а в ноябре 2008 г. президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов отбыл с первым государственным визитом в РК. Благодаря ресурсоориентированной дипломатии Ли Мёнбака консорциум южнокорейских компаний LG International Corp и Hyundai Engineering получили в Туркменистане контракт на строительство газоперерабатывающего завода стоимостью 1,48 млрд долл. в Иолотане («Галкыныш»), что положило начало реализации компанией Hyundai Engineering ряда крупных проектов в нефтегазовой отрасли страны.

ЦА В ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАТЕГИЯХ ПАК КЫНХЕ И МУН ЧЖЭИНА

Политика Южной Кореи отношении ЦА получила новый импульс при президенте Пак Кынхе (2013–2017), представившей в октябре 2013 г. Евразийскую инициативу. В ней южнокорейское правительство предложило собственное видение евразийской интеграции, в которой центральная роль отводилась РК. Основная идея состояла в создании единой транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры в регионе, которая позволила бы преодолеть физические барьеры, препятствующие обменам, соединив Корейский полуостров с континентом [*Eurasia Initiative*, 2013]. Предполагалось, что в перспективе путём либерализации торговли будет создано единое пространство сотрудничества и процветания от Западной Европы до Северо-Восточной Азии [Лукин, Коротич, 2016]. ЦА, наряду с российскими Дальним Востоком и Сибирью, тремя северо-восточными провинциями Китая и Монголией, стала одним из ключевых региональных направлений Евразийской инициативы [Lee, 2017(1)].

Евразийский курс Пак Кынхе стимулировали те же соображения, что континентальную политику следующего президента Мун Чжэина (2017–2022). Во-первых, посредством

расширения экономического сотрудничества в Евразии РК стремилась обеспечить новые источники развития собственной экономики. Это было особенно актуально в условиях замедления темпов экономического роста в стране, который составлял в 2008–2013 гг. – около 2% в год [Захарова, Асмолов, 2015]. При этом темпы роста ВВП в основных странах Евразии – Китае (9,9%), Индии (7,7%), России (3,4%), Центральной Азии (7,3%) и Монголии (8,9%) – были выше, чем в среднем по миру (2,7%) [Lee, 2017(1)]. Соответственно, страны ЦА интересовали РК как перспективные рынки. Кроме того, Сеул привлекали транспортный потенциал региона и возможности диверсификации путей экспорта в Европу. Отдавая дань интересам центральноазиатских государств, стремившихся к модернизации своих экономик, правительство Пак Кынхе выступило за продвижение инновационной экономики в Евразии.

Помимо РК свои стратегии регионального развития выдвинули ряд других стран. В частности, Россия продвигала Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а Китай выдвинул проект Экономического пояса Шёлкового пути – континентального направления инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). В этих условиях Южная Корея сделала выбор в пользу поиска путей сотрудничества с Китаем и Россией в Евразии. В частности, прорабатывалась возможность присоединения РК к созданной в 2014 г. зоне свободной торговли ЕАЭС, которая могла бы позволить ей выйти на рынки стран Союза. Также Южная Корея рассчитывала на эффект синергии от соединения Евразийской инициативы с китайским региональным проектом. В частности, Южная Корея ожидала получить выгоды от сотрудничества и достичь роста внутреннего потребления, увеличения сухопутных перевозок и, следовательно, снижения зависимости от рынков США и КНР [Albert, 2020].

Во-вторых, Евразийская инициатива должна была способствовать обеспечению мира и безопасности на Корейском полуострове, представлявшем собой «восточные ворота в Евразию» [*Eurasia Initiative*, 2013, р. 13]. В частности, предполагалось улучшить ситуацию с безопасностью на Корейском полуострове путём вовлечения КНДР в региональные экономические процессы, что в конечном итоге должно было привести к изменению её внутренней и внешней политики [Захарова, Асмолов, 2015]. Посредством возможного сопряжения Евразийской инициативы с ОПОП правительство Пак Кынхе стремилось получить поддержку Китая в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова и вовлечения КНДР в региональное экономическое сотрудничество.

Усилия РК по реализации Евразийской инициативы особо не продвинулись дальше предложения видения регионального развития и рассуждений на уровне риторики, прежде всего, из-за обострения межкорейских отношений и санкций Запада против КНДР и России. Вместе с тем на центральноазиатском направлении Пак Кынхе продолжила традицию проведения дипломатии на самом высоком уровне. В 2014 г. лидер РК совершила государственные визиты в Узбекистан, Казахстан и Туркменистан с целью расширения экономического сотрудничества с тремя странами Центральной Азии и укрепления личных связей с их лидерами.

В ходе переговоров с президентом Узбекистана И. Каримовым была достигнута договоренность о последовательном продолжении политического диалога и дальнейшем расширении сотрудничества в сферах информационных технологий, солнечной энергетики, сельского хозяйства, образования. Президенты двух стран договорились сотрудничать по ряду проектов, таких как модернизация Талимарджанской ТЭС (861 млн долл.), создание мощностей по сжижению газа (3,1 млрд долл.), разработка Кандымского месторождения и строительство там газоперерабатывающего комплекса (4 млрд долл.), строительство солнечной электростанции в районе Самарканда (порядка 300 млн долл.) [Кириянов, 2014]. В 2015 г. в рамках государственного визита И. Каримова в РК было подписано 60 доку-

ментов в области торгово-экономического, инвестиционного и финансово-технического сотрудничества и других сферах на общую сумму почти 7,7 млрд долл.

Большим достижением для развития отношений между РК и Казахстаном стало подписание в 2014 г. соглашения о введении безвизового режима на срок до 30 дней. Между тем, южнокорейские компании вышли из двух знаковых проектов в области экономического сотрудничества между РК и Казахстаном времён Ли Мёнбака, посчитав их реализацию коммерчески нецелесообразной в связи с падением цен на нефть. В январе 2016 г. LG Chem уведомила о выходе из проекта газохимического комплекса в Атырау, а в августе 2016 г. Samsung C&T Corp и Samsung Engineering заявили о выходе из проекта по строительству Балхашской ТЭС. Тем не менее в ходе визита президента Казахстана Н. Назарбаева в ноябре 2016 г. стороны обсудили пути активизации сотрудничества в энергетике, перспективы транзитно-транспортного взаимодействия и договорились о дальнейшем углублении отношений стратегического партнёрства, подписав соответствующую декларацию, определявшую стратегическое значение Казахстана для РК в ЦА.

При Пак Кынхе получил продолжение курс на расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Туркменистаном. В ходе поездки президента РК в Туркменистан в 2014 г. были подписаны соглашения на реализацию проектов в нефтегазовом секторе на сумму 4 млрд долл. (газохимический комплекс и завод по сжижению газа) в дополнение к уже реализовывавшимся проектам на сумму 5,5 млрд долл. В 2013–2015 гг. были успешно реализованы проекты строительства завода по сероочистке газа на крупнейшем месторождении «Галкыныш» и модернизации Туркменбашинского КНПЗ. В 2013 г. был дан старт строительству крупного ГХК в Киянлы стоимостью около 3,5 млрд долл. В 2018 г. данный проект, реализовывавшийся Туркменгазом в партнёрстве с южнокорейским консорциумом в составе LG International Corp и Hyundai Engineering и японской TOYO Engineering, был введён в эксплуатацию [Туркменистан построят, 2020].

В 2014 г. Таджикистан и Киргизстан стали участниками Программы обмена знаниями (Knowledge Sharing Program, KSP), проводимой Министерством экономики и финансов РК. В апреле 2015 г. было открыто посольство Республики Таджикистан в Сеуле. При Пак Кынхе было принято решение о создании постоянно действующего Секретариата Форума Центральная Азия – Южная Корея, что свидетельствовало о заинтересованности сторон углублять сотрудничество и институционализировать многосторонний формат взаимодействия.

Администрация Мун Чжэина в целом продолжила континентальный курс предыдущего правительства, выдвинув Новую северную политику (НСП). В рамках НСП предполагалось продвигать экономическое сотрудничество по трём направлениям Евразии, выделенным с учётом индустриально-экономических характеристик – западная часть России, Украина и Беларусь; Центральная Азия и Монголия; Сибирь и Дальний Восток России и три северо-восточные провинции Китая. Центральноазиатское направление НСП предполагало сотрудничество в области разработки ресурсов и развития инфраструктуры; стимулирование экономической модернизации в регионе и реализацию политики индустриальной диверсификации; оказание содействия в сфере образования, здравоохранения, государственного управления в рамках Официальной помощи развитию; институционализацию и стимулирование сотрудничества [Буланакова, 2020, с. 81].

Мун Чжэин возлагал большие надежды на развитие евразийского вектора внешне-экономической деятельности и внешней политики РК. Подтверждением серьёзности намерений стало создание Комитета экономического сотрудничества по северному направлению – консультативного органа при Президенте РК. Данный комитет был призван координировать НСП и оказывать содействие в укреплении экономического сотрудничества со странами, входившими в зону ответственности НСП.

Ключевым императивом НСП Мун Чжэина являлась «идея связать Республику Корея с континентом через КНДР» [Ом, 2020, с. 354]. Однако, переговорный процесс по северокорейской ядерной проблеме зашёл в тупик, а межкорейские отношения так и не удалось вывести на уровень возобновления экономических связей из-за позиции США и международного режима санкций в отношении КНДР. В этих условиях задача включить КНДР в региональные процессы отошла на второй план. Первостепенной задачей НСП стала интенсификация сотрудничества в Евразии в целях создания среды, благоприятной для развития контактов с КНДР на случай, если в урегулировании ядерной проблемы будет достигнут прогресс [*S. Korea to Focus on Promoting*, 2020]. Подобный подход свидетельствовал о расслаблении тесной смычки континентальной политики и северокорейского курса РК.

В рамках НСП изначально приоритетным считалось российское направление, а на ЦА Сеул смотрел сквозь призму своих отношений с Москвой [Еом, 2022]. Однако по мере нарастания кризиса в отношениях между Россией и Западом РК всё большее внимание в своих приоритетах в Евразии стала уделять странам ЦА, определяя их в качестве ключевых партнеров НСП [Федоровский, 2019; Ким, 2021] и наращивая политические, экономические и культурные связи в регионе.

Экономическое сотрудничество РК со странами ЦА развивалось на двусторонней основе. Формат двусторонних саммитов на высшем уровне подтвердил свою эффективность в продвижении экономических интересов РК в регионе. В апреле 2019 г. президент РК Мун Чжэин в сопровождении представителей крупнейших южнокорейских компаний посетил Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Результатом его центральноазиатского турне стали договоренности о реализации РК в этих странах 24-х проектов общей стоимостью 13 млрд долл. [Федоровский, 2019]. Ранее, по итогам визита президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Сеул в 2017 г., было подписано 75 документов на общую сумму 8,94 млрд долл. в области энергетики и нефтегазохимии, в банковско-финансовой сфере, строительстве и развитии инфраструктуры [*Узбекистан и Корея*, 2017]. В июне 2021 г. в ходе визита президента Казахстана К. Токаева в Сеул стороны подписали 34 соглашения на сумму почти 2 млрд долл. [*Как прошёл*, 2021].

В числе среднесрочных и долгосрочных целей в регионе РК планировала добиваться двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле [*S. Korea to Actively Pursue*, 2020]. В частности, помимо ЕАЭС, активно обсуждались возможности создания зоны свободной торговли между РК и Узбекистаном. РК также выразила намерение участвовать в строительстве и реконструкции энергетических объектов и цифровой экономики в Таджикистане [*Корея увеличит финансирование*, 2021].

К достижениям НСП Мун Чжэина можно отнести то, что ему удалось вывести на уровень министров иностранных дел Форум сотрудничества «Центральная Азия – Республика Корея». При нём продолжилось расширение механизмов взаимодействия со странами ЦА. В частности, в 2020 г. состоялось 1-е заседание «Делового совета Корея – Центральная Азия» для обсуждения вопросов более активного экономического обмена после пандемии COVID-19 в различных сферах. С 2018 г. введён формат заседаний заместителей премьер-министров Узбекистана и РК по экономическим вопросам. Между РК и Казахстаном была создана совместная рабочая группа для реализации Программы экономического сотрудничества «Свежий ветер», принятой в 2019 г. в рамках визита президента РК Мун Чжэина в Казахстан.

МЕСТО РК В ЭКОНОМИКАХ СТРАН ЦА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РК

В период с 2007 г., когда была принята первая южнокорейская стратегия входа в регион, по 2021 г. товарооборот РК со странами ЦА вырос в 2,9 раза. Доля ЦА в общем товарообо-

роте РК за этот период также увеличилась – с 0,25% до 0,42%¹. Несмотря на, казалось бы, незначительный объём торговли со странами ЦА по сравнению с её совокупным внешне-торговым оборотом, РК является весьма важным торговым партнёром и инвестором для стран региона, отношения с которым последние высоко ценят.

РК заняла 7-е место среди крупнейших торговых партнёров Казахстана в 2021 г. – торговый оборот между двумя странами составил 2,6 млрд долл. (2,6% от общего товарооборота) [Емельянова, 2022]. РК вложила в экономику Казахстана более 6 млрд долл. накопленных инвестиций на 2021 г. Последние годы РК стабильно входит в первую десятку по валовым прямым иностранным инвестициям в Казахстан, а в 2022 г. приток ПИИ в Казахстан из Южной Кореи достиг рекордных показателей за всю историю двусторонних отношений – 1,1 млрд долл. [Какие страны, 2022]. В Казахстане действует более 550 юридических лиц, филиалов и представительств с южнокорейским участием. В стране представлены Samsung Electronics, Shinhan, Lotte, SK, KNOС, Posco, функционирует завод по сборке автомобилей Hyundai в Алматы.

В Узбекистане совместно с южнокорейскими компаниями реализуются около 100 инвестиционных проектов на общую сумму более 14 млрд долл. Объём накопленных ПИИ из РК в узбекскую экономику превысил 7 млрд долл. В течение последних пяти лет число предприятий с южнокорейским капиталом в Узбекистане увеличилось в два раза (по состоянию на 1 июня 2022 г. – 900). За последние пять лет товарооборот между двумя странами также вырос в два раза и достиг 1,8 млрд долл. в 2021 г. В 2022 г. РК являлась пятым по объёму торговли партнёром Узбекистаном (4,7% от общего товарооборота) [China is Catching up with, 2023].

Объёмы двусторонней торговли РК с Туркменистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном довольно незначительны (9 млн долл., 113 млн долл. и 51 млн долл. соответственно в 2021 г.), при этом свыше 99% во взаимных товарооборотах приходится на импорт южнокорейских товаров и продукции [Korea Customs Service, 2021].

РК является одним из основных поставщиков технологий и технологического оборудования, необходимых для реализации политики инновационного развития Туркменистана, в 2017 г. входила в топ-10 торговых партнёров Ашхабада [Основные партнёры, 2017]. На туркменском рынке в таких важнейших сегментах как, например, газовая, химическая промышленность, транспорт, успешно работают крупнейшие южнокорейские компании – Hyundai Corporation, LX International Corp., Daewoo Engineering and Construction. В Туркменистане зарегистрировано более 13 проектов с участием южнокорейских компаний на общую сумму свыше 11 млрд долл. [Определены актуальные, 2022].

В Кыргызстане работают более тысячи южнокорейских предприятий в сфере малого и среднего бизнеса. Правительство РК при поддержке Корейского агентства международного сотрудничества (KOICA) реализует 10 совместных проектов на 48 млн долл. по оказанию безвозмездной помощи в развитии Кыргызстана [Кыргызстан и KOICA, 2022]. Средства по линии KOICA направляются на реализацию проектов в области государственного управления, сельского хозяйства, цифровизации, здравоохранения, образования, экологии, подготовки кадров. Стоит отметить, что с 2012 г. Кыргызстан стал вторым после Узбекистана реципиентом южнокорейской помощи развитию, что связано как с интересом РК к Кыргызстану как возможному новому поставщику редкоземельных металлов, так и с представлением южнокорейского руководства о том, что наращивание ОПР является необходимым атрибутом политики РК как средней державы.

Меньше всего экономическое присутствие РК в Таджикистане, самой бедной стране региона. Сотрудничество между Сеулом и Душанбе осуществляется главным образом в куль-

¹ Рассчитано автором на основе данных Таможенной службы Республики Корея [Korea Customs Service].

турной и гуманитарной сферах. В рамках официальной помощи в целях развития КОИСА РК реализует проекты для поддержки социально-экономического роста Таджикистана. В частности, в 2019 г. было выделено 6 млн долл. на проект по строительству энергосети в районе Ромит.

Южная Корея стала одним из основных направлений трудовой миграции для стран ЦА. РК заинтересована в привлечении трудовых мигрантов из стран ЦА в связи с демографическими проблемами и нехваткой рабочей силы. С Узбекистаном и Кыргызстаном у РК подписаны двусторонние соглашения о найме работников, в рамках которых установлены квоты. Граждане Казахстана пользуются действующим безвизовым режимом для въезда в РК и работы на нелегальном рынке труда. После отмены виз для казахстанцев в 2014 г. численность нелегальных трудовых мигрантов из Казахстана в РК увеличилась с 359 до 12 000 человек в 2019 г., объём денежных переводов из Южной Кореи в Казахстан вырос почти в 62 раза в период с 2012 по 2019 г., достигнув 105 млн долл. [*Добиться упрощения*, 2021]. В период с 2007 по 2022 г. в РК было трудоустроено 3 500 граждан Кыргызстана. Наибольшее число мигрантов в РК из ЦА приходится на Узбекистан. На декабрь 2021 г. в Корею осуществляли трудовую деятельность около 50 тысяч узбекистанцев [*В Узбекистане озвучили*, 2021]. Трансграничные денежные переводы из РК в Узбекистан составили 258,2 млн долл. в 2020 г. (0,43% ВВП), увеличившись в 2,2 раза по сравнению с 2019 г. [Rakhimov, 2022].

Присутствие Южной Кореи в ЦА нацелено на долгосрочное сотрудничество. О глубоком интересе Сеула к региону свидетельствуют довольно внушительные капиталовложения. Хотя южнокорейские администрации, как правило, рассматривали ЦА как часть более широкой региональной стратегии, будь то в привязке к Азии при Ли Мёнбаке или к России при Пак Кынхе и Мун Чжэине, Сеул последовательно укреплял двусторонние экономические и политические связи со странами ЦА вне зависимости от находившейся у власти администрации. Поэтому ликвидация созданного при Мун Чжэине Комитета экономического сотрудничества по северному направлению, сворачивание континентальной риторики и смещение приоритетов южнокорейской дипломатии в Индо-Тихоокеанский регион несильно отразятся на практическом сотрудничестве РК со странами ЦА.

Существует большой потенциал сотрудничества между РК и странами ЦА ввиду взаимодополняющих структур экономики. Страны ЦА намерены модернизировать собственные экономики и рассчитывают использовать опыт и новейшие технологии РК. Южная Корея также, в свою очередь, готова к расширению сотрудничества в инновационных областях, так как видит в этом свои конкурентные преимущества по сравнению с другими крупными игроками в регионе, такими как Китай, Россия, Индия, Турция, Иран. Динамика дальнейшего экономического взаимодействия РК и ЦА будет зависеть от темпов экономического роста и объёмов внутренних рынков стран региона, инвестиционного климата и развития транспортно-логистической инфраструктуры в ЦА.

О том, что Южная Корея заинтересована в сохранении своих позиций в регионе, реализации точечных проектов и наращивании товарооборота, свидетельствует, в том числе увеличение ОПР странам Центральной Азии [Буланакоева, 2020]. Администрация Юн Сокёля рассматривает страны ЦА с точки зрения обеспечения экономической безопасности РК в условиях трансформации глобальных цепочек поставок и геополитической нестабильности. В частности, это отметил первый заместитель министра иностранных дел РК Чо Хёндон на встрече с заместителем министра иностранных дел Казахстана Адилем Турсуновым, выразив надежду на укрепление сотрудничества с Казахстаном в области цепочек поставок, таких как уран и редкоземельные металлы [Cho Hyundong, 2022]. На состоявшемся в октябре 2022 г. 15-м Форуме сотрудничества «Центральная Азия – Республика

Корея» министр иностранных дел РК Пак Чин подчеркнул, что страны ЦА являются важными партнерами в различных областях, включая энергетику и инфраструктуру [Yi, 2022]. Также он отметил необходимость более тесного сотрудничества в области здравоохранения, от создания медицинских учреждений до подготовки кадров, и предложил расширить совместные усилия в области информационно-коммуникационных технологий на основе прогресса, достигнутого в цифровом сотрудничестве в сфере государственного управления [Foreign Minister Park, 2022].

Сеул готов участвовать в оптимизации нефтегазовой индустрии и внедрении передовых технологий в производство в ЦА. В качестве примера можно привести контракт на проектирование завода по производству аммиака и карбамида и обеспечение будущего производства необходимым оборудованием, который был заключён с южнокорейской компанией Hyundai Engineering по итогам визита председателя верхней палаты парламента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в РК в ноябре 2022 г.

В условиях санкционной политики Запада против России страны ЦА фактически стали альтернативным каналом экспорта, в том числе южнокорейских товаров, в Россию. Поставки в Россию осуществляются путём реэкспорта из стран ЦА, в частности, из Киргизии и Казахстана, которые входят в ЕАЭС [Гаврилук и др., 2022]. В этой связи ЦА приобретает для РК дополнительное значение как способ сохранить российский рынок для южнокорейских компаний в условиях антироссийских экономических ограничений. В частности, директор Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Университета Ханьян Ом Гухо отмечает, что «необходимо рассмотреть возможность создания экспортных производственных баз в Россию в Казахстане или Кыргызстане, которые являются членами Евразийского экономического союза, или присоединить экспортную логистику к России, используя недавно обновленную логистическую сеть Южного экономического коридора. В дальнейшем, в зависимости от развития антироссийских санкций, можно будет рассмотреть расчёты с Россией через корейские компании, расположенные в Центральной Азии» [Eom, 2022].

Контуры политики РК в отношении Центральной Азии будут зависеть от развития геополитической ситуации в мире и в регионе. Если кризис в российско-американских отношениях затянется, то Сеул может изменить подходы к выстраиванию центрально-азиатского курса. В частности, отношения с центральноазиатскими государствами могут стать рассматриваться РК в привязке к южно-азиатскому направлению своей ИТС.

Не исключено, что китайско-американская конфронтация может распространиться на Центральноазиатский регион, в котором США демонстрируют намерение все больше сдерживать Китай. В Вашингтоне заявляют также о том, что целью их политики в ЦА является «разъединение экономик стран региона с российской» [США уведомили, 2022]. Следование в фарватере американской политики в регионе связано с рисками для отношений РК как с Китаем, так и Россией. Поэтому РК будет стараться воздерживаться от присоединения к антикитайскому или антироссийскому курсу при выстраивании стратегии в отношении стран ЦА и придерживаться традиционно аполитичного подхода в отношениях со странами региона. Однако раскол мира на две группы и растущая поляризация могут привести к тому, что Сеулу будет гораздо труднее балансировать и проводить независимую от США политику в ЦА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Буланакова М.А. Евразийский вектор внешней политики Республики Корея: фактор Центральной Азии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2020. № 4. С. 70–87 [Bulanakova

M.A. Eurasian Vector of Foreign Policy of The Republic of Korea: The Factor of Central Asia. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2020. No. 4. Pp. 70–87 (in Russian)].

В Узбекистане озвучили число трудовых мигрантов, работающих в Южной Кореи [Number of Labor Migrants Working in South Korea Announced in Uzbekistan (in Russian)]. *Darakchi.uz*. 29.12.2021. <https://darakchi.uz/ru/135372?ysclid=lfidrdwdqmt102664094> (accessed: 23.03.2023).

Гаврилюк А., Корнев Т., Королев Н. Samsung уходит в параллельный мир [Gavrilyuk A., Kornev T., Korolev N. Samsung Goes to a Parallel World (in Russian)]. *Коммерсант*. 01.07.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5436878> (accessed: 17.01.2023).

Добиться упрощения получения трудовых виз в Южную Корею предложили депутаты [Deputies Proposed to Achieve Simplification of Obtaining Labor Visas to South Korea (in Russian)]. *Курсив*. 31.03.2021. <https://kz.kursiv.media/2021-03-31/dobitsya-uproscheniya-polucheniya-trudovykh-viz-v-yuzhnyu-koreyu/> (accessed: 23.03.2023).

Емельянова Е. За 2021 год Казахстан импортировал товары на \$41,1 млрд [Emelyanova E. In 2021 Kazakhstan Imported Goods Worth \$41.1 Billion (in Russian)]. *Капитал. Центр деловой информации*. 21.02.2022. <https://kapital.kz/economic/103101/za-2021-god-kazakhstan-importiroval-tovary-na-41-1-mlrd.html> (accessed: 23.03.2023).

Захарова Л., Асмолов К. Евразийская инициатива президента Республики Корея Пак Кын Хе. *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 1. С. 60–70. Zakharova L., Asmlov K. Eurasian Initiative by the President of the Republic of Korea Park Geun-Hye. *Far Eastern Studies*. 2015. No. 1. Pp. 60–70 (in Russian)].

Как прошёл государственный визит Токаева в Южную Корею [Tokayev's State Visit to South Korea (in Russian)]. *Хабар* 24. 17.08.2021. <https://24.kz/ru/news/top-news/item/493280-kak-proshel-gosudarstvennyj-vizit-tokaeva-v-yuzhnyu-koreyu> (accessed: 23.03.2023).

Какие страны больше всего инвестируют в экономику РК [Countries That Invest the Most in the Economy of the Republic of Kazakhstan (in Russian)]. *Капитал. Центр деловой информации*. 30.12.2022. <https://kapital.kz/economic/111778/kakiye-strany-bol-she-vsego-investiruyut-v-ekonomiku-rk.html> (accessed: 23.03.2023).

Ким Ен Ун. Реалии многовекторности внешней политики РК. *Современные проблемы Корейского полуострова*. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 56–65 [Kim En Un. The Realities of the Multi-Vector Foreign Policy of The Republic of Korea. *The Current Problems of the Korean Peninsula*. Moscow: IFES RAS, 2021. Pp. 56–65 (in Russian)].

Кириянов О. Узбекистан и Южная Корея углубят сотрудничество в газовой отрасли [Kiryanov O. Uzbekistan and South Korea will Deepen their Cooperation in the Gas Industry (in Russian)]. *RG.ru*. 17.06.2014. <https://rg.ru/2014/06/17/svyazi-site-anons.html> (accessed: 23.03.2023).

Корея увеличит финансирование экономики Таджикистана [Korea will Increase Financing of the Tajik Economy (in Russian)]. *Sputnik Таджикистан*. 19.10.2021. <https://tj.sputniknews.ru/20211019/korea-finansirovanie-ekonomika-tajikistan-1042970044.html> (accessed: 17.01.2023).

Кыргызстан и KOICA реализуют 10 совместных проектов на \$48 млн [Kyrgyzstan and KOICA Implement 10 Joint Projects Worth \$48 Million (in Russian)]. *Economist*. 07.10.2022. <https://economist.kg/novosti/2022/10/07/kyrgyzstan-i-koica-naschityvajut-10-sovmestnyh-proektov-na-48-mln/> (accessed: 23.03.2023).

Лукин А.Л., Коротич С.А. Евразийская инициатива после Пак Кын Хе: развитие, современное состояние и перспективы южнокорейских интеграционных проектов. *Известия Восточного института*. 2016. № 4 (32). С. 102–112 [Lukin A.L., Korotich S.A. Eurasian Initiative after Park Geun-Hye: Evolution, Contemporary State and Prospects. *Oriental Institute Journal*. 2016. No. 4 (32). Pp. 102–112 (in Russian)].

Ом Гу Хо. Стратегия Новой северной политики и ее ограничительные факторы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 354–373 [Eom

Gu Ho. The “New Northern Policy” Strategy and its Constraints. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 354–373 (In Russian)].

Определены актуальные направления развития туркмено-корейского взаимодействия [Actual Directions for the Development of Turkmen-Korean Cooperation Determined (in Russian)]. *Туркменистан сегодня*. 29.11.2022. <https://tdh.gov.tm/ru/post/33789/opredeleny-aktualnye-napravleniya-razvitiya-turkmeno-korejskogo-vzaimodejstviya> (accessed: 23.03.2023).

Основные партнёры внешней торговой стратегии Туркменистана [The Main Partners of the Foreign Trade Strategy of Turkmenistan (in Russian)]. *SNG Today*. 14.08.2017. <https://sng.today/ashkhabad/3957-osnovnye-partnery-vneshnetorgovoy-strategii-turkmenistana.html?ysclid=lfea8nwqk748723313> (accessed: 23.03.2023).

Расулов Э.Р. К 25-летию установления дипломатических отношений между странами Центральной Азии и Республикой Корея. *Корея перед новыми вызовами*. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 289–301 [Rasulov E.R. The 25th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between the Countries of Central Asia and The Republic of Korea. *Korea Before New Challenges*. Moscow: IFES RAS, 2017. Pp. 289–301 (in Russian)].

США уведомили Центральную Азию об ожиданиях касательно соблюдения санкций против России [US Notifies Central Asia of Expectations Regarding Compliance with Sanctions Against Russia (in Russian)]. *TACC*. 29.09.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15902935> (accessed: 17.01.2023).

Туркменистан построит производственный блок изобутана на полимерном заводе в Киянлы [Turkmenistan to Build an Isobutane Production Unit at the Polymer Plant in Kiyarly (in Russian)]. *Neftegaz.ru*. 26.05.2020. <https://neftgaz.ru/news/Gazohimija/550874-turkmenistan-postroit-proizvodstvennyy-blok-izobutana-na-polimernom-zavode-v-kiarly/> (accessed: 14.06.2023).

Узбекистан и Корея заключили договоры почти на \$9 млрд [Uzbekistan and Korea Concluded Contracts Worth Almost \$9 Billion (in Russian)]. *Sputnik Узбекистан*. 22.11.2017. <https://uz.sputniknews.ru/20171122/Mirzиеev-korea-vizit-6895723.html> (accessed: 23.03.2023).

Узбекистан и Южная Корея подписали контракты на \$5 млрд. [Uzbekistan and South Korea Signed Contracts for \$5 Billion (in Russian)]. 22.09.2012. <https://www.uzdaily.uz/ru/post/12701> (accessed: 23.03.2023).

Федоровский А.Н. К итогам визита президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в страны Центральной Азии [Fedorovsky A.N. The Results of the Visit of the President of the Republic of Korea Moon Jae-in to the Countries of Central Asia (in Russian)]. *ИМЭМО РАН*. 21.04.2019. <https://www.imemo.ru/news/events/text/k-itogam-vizita-prezidenta-respubliki-koreya-mun-chzhe-ina-v-strani-tsentralnoy-azii?ret=640> (accessed: 17.01.2023).

Чон Де Ван. Экономическое сотрудничество между Кореей и Узбекистаном: тенденции и перспективы. *Иктисод ва молия – Экономика и финансы*. 2011. № 10. С. 9–16 [Chong De Wan. Economic Cooperation between Korea and Uzbekistan: Trends and Prospects. *Iqtisodiyot va moliya – Ekonomika i finansi (= Economy and Finances)*. 2011. No. 10. Pp. 9–16 (In Russian)].

Albert E. China Leans into RCEP Conclusion as Win. *The Diplomat*. 19.11.2020. <https://thediplomat.com/2020/11/china-leans-into-rcep-conclusion-as-win/> (accessed: 17.01.2023).

China is Catching up with Russia in Becoming the Main Supplier. How Uzbekistan’s Foreign Trade has Changed in 2022. *Investment Promotion Agency under the Ministry of Investments and Foreign Trade of the Republic of Uzbekistan*. 24.01.2023. <http://invest.gov.uz/mediacenter/news/china-is-catching-up-with-russia-in-becoming-the-main-supplier-how-uzbekistan-s-foreign-trade-has-changed-in-2022/> (accessed: 23.03.2023).

Cho Hyundong, First Vice Minister of Foreign Affairs, Meets with Kazakhstan Deputy Foreign Minister Tursunov. *Ministry of Foreign Affairs. Republic of Korea*. 03.06.2022. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322050&page=1 (accessed: 17.01.2023).

Dadabaev T. Chinese, Japanese, and Korean Inroads into Central Asia: Comparative Analysis of the Economic Cooperation Roadmaps for Uzbekistan. *East-West Center*. 2019. Pp. 1–8. <https://www.jstor.org/stable/resrep21109.3> (accessed: 17.01.2023).

Eom Gu Ho. Impact of the Ukrainian War on South Korea's Diplomacy in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 13. No. 2. Pp. 172–179.

Eurasia Initiative. 2013. https://overseas.mofa.go.kr/cntnts_Down.do?path=br-pt&physic=0707_eur-asia_bro_br-pt.pdf&real=0707_eurasia_bro_br-pt.pdf (accessed: 17.01.2023).

Foreign Minister Park Proposes Further Cooperation with 5 Central Asian Countries. *KBS World*. 26.10.2022. https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=173328 (accessed: 17.01.2023).

Fumagalli M. South Korea's Engagement in Central Asia from the End of the Cold War to the "New Asia Initiative". *The Journal of Northeast Asian History*. 2012. Vol. 9. No. 2. P. 69–97.

Kim Deok-hyun. S. Korea to Focus on Promoting Economic Cooperation with Russia, Mongolia. *Yonhap News Agency*. 15.01.2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200120001100320> (accessed: 17.01.2023).

Korea Customs Service. https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (accessed: 23.03.2023).

Lee Jae-Young. Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia. *The Political Economy of Pacific Russia. Regional Developments in East Asia*. Ed. J. Huang, A. Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 103–125.

Lee Jae-Young. The New Northern Policy and Korean-Russian Cooperation. *Valdai Papers*. 2017. October. No. 76.

Rakhimov M. Uzbekistan and South Korea relations in the Contexts of Transregional and Global Perspectives. *Journal of Eurasian Studies*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 200–211.

S. Korea to Actively Pursue New Northern Policy. *KBS World*. 20.01.2020. https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150764 (accessed: 17.01.2023).

Yi Wonju. (LEAD) S. Korea, 5 Central Asian Nations Discuss Cooperation in Busan Forum. *Yonhap News Agency*. 25.10.2022. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221025004051325> (accessed: 17.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПУГАЧЕВА Оксана Сергеевна –
научный сотрудник Института Китая
и современной Азии РАН, Москва,
Россия; эксперт Центра исследований
Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД
России, Москва, Россия

Oksana S. PUGACHEVA,
Research Fellow, Institute of China and
Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Expert, Center for East Asian and SCO Studies,
MGIMO University, Moscow, Russia